

Душа человека — величайшее чудо мира.

Данте Алигьери

Татьяна, похоронив два года назад своего мужа, часто ловила себя на мысли, что её так и тянуло подойти к окну, у которого, бывало, в задумчивости, с лёгкой улыбкой оглядывая двор, любил стоять её Михаил. Дом почти двадцать лет назад построило его предприятие, поэтому большинство жильцов ему были знакомы. Многие из них когда-то работали на участке, которым руководил он, будучи прорабом. Останавливались у окна, держа за руку своих внуков, уже ставшие солидными бывшие его молодые ребята, которых он научил работать, одновременно отучив многих от чрезмерной тяги к алкоголю в их шальные молодые годы. Чего стоило ему, тогда молодому мастеру, воспитание этих ребят, знает только он. Но все они до сих пор благодарны Михаилу, сейчас уже пенсионеру, что направил их когда-то на путь истинный. А больше всего благодарны жёны этих бывших его пацанов, которые частенько, встречаясь во дворе, вспоминая Михаила добрым словом, говорят Татьяне: «Ваш муж сохранил не только наши семьи: он научил наших мужиков жить. Царствие ему небесное...»

И неожиданно случилось так, что после ухода Михаила она сблизилась с его рабочими, начала с ними общаться, чего раньше не было. Вот сейчас сосед с третьего этажа, пятидесятилетний Сергей, лежит в больнице в Новосибирске. Постоянно выходит на связь с ней, она знает все его проблемы: и как прошла операция, и когда вернётся домой. И другие бывшие рабочие мужа, останавливаясь, частенько спрашивают, не нужна ли какая ей помощь, чтобы не стеснялась, обращалась к ним в любое время. Татьяна кивает согласно головой, благодарит, но не обращается. Такие уж они с Михаилом люди: помочь человеку — пожалуйста, а просить при случае у него же помощи не приучены, потому что с детства в их семьях был закон — надеяться только на самого себя. Эту черту своего начальника знали его парни, и когда квартиру Михаила обворовали, вынеся всё, что можно, начиная с бытовой техники и кончая одеждой и содержимым холодильника, то, не ожидая его просьбы, пришли двое бывших его рабочих. Со сварочным аппаратом. Укрепили оконные решётки, помогли заменить замки. Татьяна тогда от всей души благодарила ребят, а они только сказали: «Михаил нам за все прошедшие годы помог в сто раз больше. И не только нам. Разве такое забудешь?»

Татьяна стояла у окна. Воспоминания нахлынули, разбредили душу. Она никогда не думала, что муж уйдёт из этой жизни первым. В его семье все были долгожителями, а в её — как раз наоборот. Слёзы начали жечь глаза. Она бы и расплакалась, как плакала почти каждый день все эти тяжёлые два года, но внимание её привлёк проходящий под окном мальчик лет пяти. Всмотрелась: это же тот ребёнок, с которым у неё вчера произошла неожиданная встреча в подъезде! Да-да, это он. Та же красная куртка, та же шапочка с ушками, как у медвежонка. Мальчик нёс в одной руке двухкилограммовый пакет с мукой, в другой — булку хлеба. Не газировку, не мороженое. Ребёнку на вид лет пять, не больше. Шёл один, без родителей. Подойдя к подъезду, потоптался, сбрасывая с обуви налипший снег. Татьяна, сдвинувшись вправо для лучшего обзора, наблюдала за ребёнком. Достал ключ, открыл дверь. И сразу перед глазами встала их вчерашняя встреча.

Ближе к вечеру она собралась вынести в мусоропровод ведро бытовых отходов. Раньше, зная, как у неё болят ноги и

каждый шаг причиняет адскую боль, особенно при спуске с лестницы, муж не давал ей даже притронуться к ведру, взяв на себя обязанность выносить мусор. Теперь же всё Татьяна приходилось делать самой. Конечно, приезжает сын, помогает, спасибо ему, но ведь не каждый же день. Вот и сейчас, взявшись левой рукой за перила, подтягивая своё тело, сколько было сил, поочерёдно на каждую ступеньку, она поднималась к площадке, где находился загрузочный лоток мусоропровода. Когда оставалось преодолеть ступени четыре, она увидела перед собой мальчика в красной куртке. Он только что легко сбегал с верхнего этажа и вдруг, остановившись перед ней, замер на месте, не решаясь бежать дальше. Татьяна недоумённо взглянула на ребёнка: почему он не спускается? Ему ничего не мешает. На курносом детском личике малыша читалась растерянность, какое-то замешательство. Он, в нерешительности перетаптываясь с ноги на ногу, вдруг протянул руку к её ведру. Татьяна поняла: малыш решил помочь бабушке, видя, как ей тяжело идти по лестнице.

— Дорогой ты мой... — а слёзы так и готовы были брызнуть из её глаз. — Я сама, спасибо тебе.

Но мальчик, быстро-быстро мигая, отрицательно покачал головой в шапочке с ушками и, преодолевая сопротивление Татьяны, всё-таки забрал у неё ведро, ухватив его обеими руками. Открыл лоток, высыпал мусор и поставил пустое ведро на ступеньку рядом с ней, незнакомой ему бабушкой.

— Спасибо тебе, мальчик мой дорогой, спасибо! А как тебя звать?

— Миша, — и малыш приготовился спускаться вниз по лестнице.

Татьяну больно кольнуло в сердце, словно иглой. Она только что думала о своём ушедшем муже Михаиле, добром и заботливом человеке, любящем и её, и людей намного больше, чем себя... «Так, может, это не простое совпадение? Может, кто-то там, на небесах, специально отправил вот именно этого мальчугана, тоже Мишу, ко мне на помощь?» И тут же другая мысль: «А почему „кто-то“? Почему не мой Михаил, который видит из своего далёка-далека, как мне плохо без него? В жизни ведь столько необъяснимых, не поддающихся никакой логике неразгаданных тайн. Одни вещисны чего стоят...»

И тут она заметила на куртке мальчика, который почему-то замешкался, не решаясь сбегать по ступеням вниз, малюсенький значок. Вгляделась. И сразу увидела себя первоклассницей, в белом фартуке с развевающимися на плечиках крылышками, а на груди — точно такой же значок, на котором — маленький мальчик Володя Ульянов, совершенно не напоминающий будущего Ильича, создателя первого в мировой истории социалистического государства.

— Мишенька, а кто это изображён на твоём значке? — спросила почти в полной уверенности, что ребёнок знать не знает, кого это родители приколоты ему на курточку.

Перед глазами возникло видео в Интернете: современные школьники на вопрос, кто такой Ленин, несут такую ахинею, что, слушая их ответы, можно получить инфаркт. По их мнению, Ленин не только президент России, — это ещё куда бы ни шло, но и композитор, и художник, и даже муж хозяйки шоколадной фабрики...

Но она напрасно опасалась. Миша изумлённо на неё взглянул:

— А вы разве не знаете?

— Да я без очков, поэтому не могу как следует разглядеть, — слукавила Татьяна.

— Да это же Ленин! Только он здесь ещё совсем маленький!

— А ты знаешь, кто такой Ленин? — Татьяна уже не могла не улыбнуться, видя, что ребёнок в полной растерянности, не зная, как ему лучше ответить на вопрос приставалы-бабули.

— Ну, он... хороший. Мне дедушка говорил. Потому что не хотел, чтобы одни люди были богатыми, а другие — бедными. Хотел, чтобы все жили хорошо.

Не сдержалась, обняла она тогда этого мальчишку. Ногой невзначай задела старенькое эмалированное ведро, и оно покатило вниз по лестнице, гремя на весь подъезд. Внизу у соседей залаяла собака.

— Мишенька, а в какой квартире ты живёшь?

Мальчуган молча показал пальчиком на квартиру второго этажа справа от лестницы и начал спускаться вниз. Поднял ведро и остановился, ожидая, когда и бабушка

спустится. Идти вниз было намного тяжелее, чем подняться. Татьяна видела, как с каждым её шагом личико ребёнка меняло своё выражение. Подумалось: неужели такой малыш уже способен воспринимать боль чужого, незнакомого ему человека как свою? В квартире, что указал мальчик, жил бывший рабочий с участка мужа, сварщик Юра Комаров, которого все звали запросто — Комарик: «Привет, Комарик! Как дела?» Он не обижался, отвечал.

— Так твой дедушка — Комарик? — Татьяна спросила и тут же одёрнула себя: Господи, что она несёт?

Хотела поправиться, но не успела. Ребёнок улыбнулся своей светлой детской улыбкой:

— Да, Комарик...

Татьяна снова схватила мальчишку за плечики и прижала к себе:

— Я знаю твоего дедушку, он очень у тебя хороший, и все его здесь любят!

— И я его люблю, — и мальчик направился к выходу из подъезда.

Татьяна крикнула ему вслед:

— А куда ты направился один?

— В магазин, за сигаретами.

— Миша, сигареты детям не продают, это запрещено!

— Мне продадут. Там продавец — тётя Валя. Она знает, что я покупаю для дедушки, — и ребёнок скрылся за дверью.

Весь оставшийся вечер перед глазами Татьяны стояли и этот мальчишка, и его дед. Вспомнила встречу с Юрой на второй день после ухода из жизни мужа. И тоже в подъезде, на том же самом месте, где только что она стояла с его внуком. Похороны мужа откладывались, так как ждали приезда родственников из Питера, с Урала, из Анапы. Какие страшные были дни...

Комарик поднимался к себе наверх, ведя на поводке собаку. Татьяна, встречаясь с ним, обычно молча, кивком, приветствовала его. Он отвечал тем же. И оба шли по своим делам, не останавливаясь. Но сейчас Юра, опустив поводок, сделал навстречу ей шаг и вдруг, обняв неожиданно Татьяну, крепко прижал к себе. Он был одного роста с ней. Лицо к лицу. Она тоже подняла руки и обняла мужчину.

Комарик просто рыдал. Не скрывая своих чувств, не пряча лица. Перемешались слёзы на их лицах: солёные, безудержные. Она слышала звуки, kloкочущие в его горле, и слова: «Бл...дь... бл...дь», — и снова рыдания. Эти слова повторялись и повторялись. Если бы он просто подошёл и сказал, как говорили все: «Примите мои соболезнования», — она восприняла бы их совершенно по-другому, так, как и положено при таких случаях. Но сейчас сердце Татьяны просто разрывалось на части. Этот мат выражал чувства совершенно другого уровня, был таким неожиданным и таким искренним, что в ту минуту подумалось: не зря нашими пращурами придуманы такие слова, которые всплывают откуда-то из глубины души именно в чрезвычайных, тяжёлых жизненных обстоятельствах... Мимо проходили люди. Не останавливались. И даже не удивлялись и этим слезам, и этим ругательствам. Не хотели, видимо, им мешать.

Татьяна первая пришла в себя: «Хватит, хватит, Владленович...» И тут же увидела удивлённые его зрачки среди мокрых, покрасневших век. Да, она знала отчество Комарика. Муж как-то рассказывал, что Юра всегда исправлял человека, который называл его «Владленович» — без буквы «и»: «Я — ВладИленович, понятно? Мой отец был назван в честь Владимира Ильича Ленина. Полными его инициалами!»

«Странный человек, — думали работяги, — на Комарика не обижается, а из-за одной недостающей буквы — выходит из себя. Вот дурачина...»

Татьяна подошла к окну. И вновь увидела эти медвежьи ушки. Почему-то именно в тот момент перед её глазами возникли грубые, шершавые, привыкшие работать с металлом, рабочие пальцы Юры Комарова, прикалывающие на курточку своего внучонка десятимиллиметровый значок с маленьким Володей Ульяновым.

Мишка катил на санках девочку, по виду года на три младше его. Наверное, свою сестричку. Постучала по стеклу. Он вскинул голову, пытаясь увидеть, откуда донёсся стук. Увидел, заулыбался. И помахал рукой в яркой разноцветной варежке.